VI 1982

1 0 5

ТУ-19-241-77

5

1

студия
ДИАФИЛЬМ

08—3—409

А. ЦЕССАРСКИЙ

СЕРДЦЕ СОЛДАТА

ХУДОЖНИК Ю. РЯХОВСКИЙ

Я в пионерском лагере. Я — гость. Жарко горит костёр. Широким полукругом расположились вокруг ребята. Я рассказываю о давно минувших днях Великой Отечественной войны. О партизанских дорогах. О подвигах разведчиков на захваченной врагом земле.

Один мальчик слушал особенно серьёзно и о чём-то напряжённо думал.

Когда все разошлись, он подошёл ко мне. «Нет,— сказал он печально,— я никогда не стану героем! Надо мной смеются за то, что я всех жалею. Даже лягушку, когда её мучают... Наверное, у настоящего героя сердце должно быть железное?»

«Нет, мой мальчик. Когда-то и я думал так же. Теперь мне уже много лет, и я знаю правду. Послушай, что я расскажу тебе...

В июле 1941 года в Москве на стадионе формировалась комсомольская добровольческая часть. Тогда произошла первая стычка Гриши Воронихина с Боголеповым.

Из помещения медпункта выкатилась толпа наших будущих однополчан во главе с Боголеповым. В вытянутой руке он держал мышонка.

«Солдату первым делом требуется беспощадность к противнику. Смотрите, я его сейчас раздавлю собственным сапогом».

«Немедленно отпусти мышонка!»—высоким дрожащим голосом сказал Гриша.

«Детка, я—старшина, а вы—зелёный укропчик, который может оказаться в моей роте лихих разведчиков... Как же вы будете резать немецких часовых, детка?»

Вокруг были растерянные лица таких же, как мы с Гришей, юнцов. И всем было жалко мышонка. Но мы стеснялись этого чувства.

Гриша бросился с кулаками на Боголепова: «Ты не смеешь! Не смеешь!» Но Боголепов посмел—он был сильнее.

Я испытывал завистливое почтение к этому старшине, чьи нервы достаточно огрубели, чтобы не жалеть мышонка.

А Гриша, в упор глядя на Боголепова, сказал: «Не сомневайтесь, я обязательно попрошусь в вашу роту, Боголепов!»

Зимой 1941 года части нашего полка стояли на западных подступах к Москве. В один из первых дней декабря меня послали в штаб полка.

Я выскочил из коляски и пошёл к опушке, где в небольшом селении разместился штаб. «Стой, кто такой!»—окликнул меня часовой.

Это был Гриша. Мы разговорились. Оказалось, что Гриша служит под началом Боголепова. Но, к моему удивлению, Боголепов оказался не в разведке.

«Чёрт меня дернул попроситься в его взвод! Здесь даже порядочной воздушной тревоги не объявят. Так и войну кончу, не услышав ни одного выстрела. Позор!»

Очевидно, Боголепов услышал нас. «Разговорчики на посту! Воронихин! Сделаю я из тебя солдата или нет!»—закричал он, выглянув из окна.

Командир полка оказался на другом конце селения. Я пошёл туда. Вдруг со стороны шоссе донёсся рокот множества мотоциклов и сразу оглушительная стрельба. Немцы!

На крыльцо избы, где я только что был, выскочил Боголепов. Он заметался по крыльцу и снова скрылся в доме.

Я бросился в снег и стал стрелять. Одна мысль стучала в мозгу: за нами до самой Москвы шоссе открыто...

Наконец откуда-то справа ударили наши пушки. Потом появились кавалеристы. Немцы отступили так же внезапно, как и появились.

Мы бросились к крайнему дому.

В горнице всё было перевернуто. У порога—мёртвый Боголепов. У разбитого окна—Гриша. Разрывная пуля ударила ему в висок. Только телеграфист был ещё жив. Он и рассказал...

Гриша из-за близорукости не сразу разобрал, что это немцы. Когда немцы были уже рядом, он бросился в дом предупредить товарищей.

«К окнам! Отстреливаться!» — приказал Боголепов. Гриша и телеграфист, выбив стёкла, стали отстреливаться.

Крыльцо должен был оборонять Боголепов. Но Боголепов не стрелял. Трясущимися руками он срывал с петлиц знаки различия.

Гриша даже не понял, что происходит: «Боголепов, стреляй, что ты делаешь?!»

«Всё... Пропало... Конец...»—бормотал Боголепов.

Боголепов боком стал протискиваться за дверь. Но он боялся выйти, немцы уже обстреливали крыльцо. Он ещё раз судорожно махнул полотенцем.

Истошно завопив: «Сюда!», обернулся и выстрелил в комнату.

В тот же миг Гриша нажал на спусковой крючок. 33

Немецкая речь уже слышалась на крыльце. На пороге появились два немца. «Москвы захотели!»—с ненавистью сказал Гриша, целясь в них.

Но не успел. Раздался выстрел через окно.

Сердце советского солдата! Я узнал его в те незабываемые, трагические и прекрасные дни. О да, мой мальчик, мы хорошо усвоили, что жестокость— это оборотная сторона трусости. И не злые, не жестокие, а добрые люди стояли насмерть, спасая Родину».

КОНЕЦ

Художественный редактор
О. Новозонов

Редактор
Г. Витухновская

Д-296-80

101000, Москва, Центр,
Старосадский пер., 7

Цветной 0-30

